

Известия, — 1996 — 20 марта, — с. 7

Алина в Зазеркалье

Дело Витухновской обнажило правовую незащищенность граждан России от ФСБ

Константин КЕДРОВ, «Известия»

Российский ПЕН-центр выпустил своего рода белую книгу «Дело Алины Витухновской». Теперь можно документально проследить за всеми этапами этого очень странного процесса.

Начнем с понятий. «Школьник Саша Костенко попал в историю в момент наивысшей степенности беззаботности — гуляя с друзьями по улице. 23 октября прошлого года, в девять часов вечера, неизвестные люди усадили его и друга в «воронок» и повезли в отделение милиции, успокаивая: «Понятиями будете».

В отделении Саша обнаружил группу милиционеров в штатском, просто милиционеров и двух молодых людей — у одного была расчесана бровь. За столом сидел полковник ФСБ Дмитрий Воронков. Саша попробовал не ввязываться в это дело, резонно заметив: «Я еще молодой». — «Какого года?» — «78-го». — «Ну а какая разница — 16 лет или 17? Будешь 77-го. Пиши». — «Что именно?» — «Мы тебе продиктуем, ты, главное, — пиши».

После этого школьник Саша Костенко бегло просмотрел и подписал два листа с показаниями. Один лист датировался настоящим днем (16.10.94), другой — будущим (23.10.94). На прочтение оперативники любезно отрекомендовали: «ФСБ тебя не забудет».

Таким образом, сотрудники внутренней разведки нарушили сразу несколько статей закона: — насильно заставили свободного человека быть понятым; — привлекли к роли понятого подростка, который не может быть понятым.

Все эти данные из статьи Игоря Рябова в «Новом времени» полностью подтвердились на суде, но никакие выводы относительно незаконных действий ФСБ суд не сделал.

Теперь посмотрим, что же продиктовал полковник Дмитрий Воронков несовершеннолетнему понятому Костенко. Об этом подробно рассказала Ольга Сергеева в статье «Эпизод с продолжением» в газете «Дело». Вот запись судебного допроса Костенко.

«— Пузырек с наркотиками у Щеркова изымали в вашем присутствии?»

— Нет, когда мы пришли, он стоял на столе.

— Вы писали объяснение?»

— Да.

— Вы правду говорили тогда или сейчас?»

— Я всегда говорю правду.

— Тогда я прочту протокол: «При мне был произведен личный обыск Щеркова, извлекли пузырек с жидкостью. На нем была надпись «Кислота аскорбиновая». Как вы понимаете эту фразу: «При обыске извлекли пузырек?»

— Я этого не видел. Мне все продиктовали».

Так рухнуло главное обвинение против Алины Витухновской, и судья нехотя изменила меру пресечения. После годовой отсидки Алину выпустили на свободу, а дело отправили на доследование. Почему? Если отпало обвинение, надо выносить оправдательный приговор или прекращать дело за

недостаточностью улик.

Возникла странная идея «доследования». А если называть вещи своими именами, просто решили «потрясти» свидетелей, сидящих в тюрьме и уже давно отказавшихся от выбитых из них ложных показаний. Это больные люди с неустойчивой психикой, страдающие тяжелой наркоманией. Чтобы не навредить несчастным, не будем называть их имена, но у нас есть копии акта психиатрической экспертизы о состоянии их здоровья. Вот выписки из акта №18.

Свидетель (1)
«Баба испытуемого по линии отца страдала шизофренией, окончила жизнь самоубийством; тетя по линии отца страдала каким-то психическим заболеванием. С 11 лет страдает бронхиальной астмой. Был госпитализирован в Вильнюсскую психиатрическую больницу. Выписан с диагнозом «шизофрения юношеская».

После возвращения домой во время ссоры с матерью испытуемый порезал себе вены. Лечился в Московской больнице №1 им. Пирогова с диагнозом «резаные раны левого предплечья». В 1982 г. поставлен на учет в психоневрологическом диспансере №12 г. Москвы. Начал употреблять наркотики: варил себе отвар мака, пил его и вводил внутривенно. В МПБ №15 был то вял, то замкнут, консультирован проф. Беловым В.П., диагноз: «шизофрения юношеская, психопатоподобная».

В связи с возбужденным в отношении него уголовным делом по ст. 224 ч.3 УК РСФСР 14/IX-84 г. был освидетельствован в МГ АСПЭК №5, которая пришла к заключению, что больной страдает хроническим психиатрическим заболеванием в форме шизофрении. Продолжал принудительное лечение в МПБ №5 с диагнозом «шизофрения вялого течения». После выписки из больницы испытуемый поставлен на учет с диагнозом «шизофрения».

Итак, больной, он же заключенный, он же бывший, а теперь потенциальный свидетель, много раз признаваемый шизофреником, проходил в ходе следствия по делу Витухновской и давал на нее какие-то компрометирующие показания, от которых потом трижды отказался. Вот протоколы, в которых говорится, что к нему применялись меры физического воздействия, т.е. пытки.

«Старшему след. ГУВД

...хочу заявить, что показания, данные мною после задержания, не соответствуют действительности. В них имеются сведения о тех действиях, которые я не совершал вообще, или которые изложены не так, как было на самом деле. Эти показания давались мной под психическим и физическим воздействием оперативников милиции. Поэтому от этих показаний я отказываюсь».

Протокол допроса 25 ноября 94 г.:

«Виновным себя не признаю... В наст. время показания давать не буду... милиции которые на меня давили как физически так и психологически. В связи с чем у меня появилось недоверие к следственным органам».

Протокол допроса 24 апреля 95 г.:

«Ранее данные показания, чистосердечные признания считаю недействительными, т.к. они были даны под псих. и физ. воздействием со стороны лиц, проводящих дознание».

Второй свидетель признан вменяемым.

По свидетельству экспертизы, «имеет диагноз «ушиб мягких тканей головы». Находился на военной экспертизе в МПБ №1 им. Кашенко. Выписан с диагнозом ВКК: «Последствия раннего органического поражения головного мозга с эмоционально-волевыми нарушениями» (история болезни №6186). Медкомиссией РВК г.Москвы испытуемый к военной службе был признан негодным в мирное время».

Этот «вменяемый» свидетель, больной-заключенный, тоже самым решительным образом отказался от выбитых из него показаний.

«Протокол допроса 25 ноября 94 г.

У своих знакомых по имени Алина, Юра я наркотики не приобретал».

Протокол допроса 18 апреля 95 г.

«При допросе 29 октября 94 г. на меня оказывалось моральное воздействие со стороны оперативников. Я находился в этот день в состоянии сильного наркотического опьянения и контролировать свои ответы не мог. Я только говорил на задаваемые мне вопросы «да» или «нет», а следователь записывал целые предложения, смысл которых я не улавливал в связи с наркотическим опьянением и волнением. После проведения допроса я прочитал протокол, хотя и не был согласен. Подписал из-за того, что у меня появилось чувство обреченности. Чистосердечные признания я написал на основе первоначального допроса в качестве подозреваемого. Фамилии... в чист. признаниях действительны, а действия таких и не происходило. Я не у кого нарк. не приобретал и никому их не продавал».

После всех этих документов с фиктивным несовершеннолетним понятым, с психически неустойчивыми, явно больными свидетелями, дающими фиктивные показания, по их словам, под психическим и физическим воздействием со стороны следствия, возникает естественный вопрос: кому и зачем все это нужно?

Все прояснилось, когда по требованию защиты на суде в качестве свидетеля выступил глава отдела по борьбе с наркотиками ФСБ полковник Дмитрий Воронков. Кстати, полковником он стал в ходе процесса. Пока Витухновская сидела в тюрьме, Воронков рос по служебной лестнице. По его словам, дело Алины — лишь ничтожный фрагмент широкомасштабной

операции по борьбе с распространением наркотиков. На суде полковник сказал буквально следующее: «Мы сделали контрольную закупку» (кстати, в то время этого нельзя было делать...).

Что значит «нельзя»? Нарушен закон? Невольно возникает мысль, что у нас людей повышают в звании не за соблюдение, а за нарушение закона. Газета «Правда» в статье «Дурман» поведала еще одну тайну, о которой умолчал полковник Д.Воронков.

«В начале сентября прошлого года от конфиденциального источника (а проще говоря, от надежного проверенного агента) была получена информация о том, что Витухновская причастна к сбыту одного из новых сильнодействующих синтетических наркотиков». Это «сообщение» никак не вяжется с делом. Единственное обвинение в продаже наркотика на сумму 20 долларов 64 тысячи руб. так и не подтвердилось, хотя, если верить показаниям свидетелей, для доказательства недоказуемого применялись пытки, и подлог с несовершеннолетним понятым Костенко.

Вот почему Дмитрий Воронков говорил не столько о деле Алины, сколько о каких-то международных цепочках по распространению наркотиков и о каком-то арестованном голландце. Этот летучий голландец заставил общественно-защитника Ваксберга прервать речь Воронкова. Следовал весьма примечательный диалог.

«Ваксберг: Вы сообщаете материалы, не относящиеся к предъявленному ей обвинению. Почему вы считаете возможным это говорить?»

Воронков: А что вы мне предлагаете? Привести сюда своих агентов?»

Ваксберг: Вам известны все лица по номерам, которые вы указываете в протоколе прослушивания? Вас, вы сказали, интересовала вся цепочка. Где же эта цепочка?»

Воронков: Это не та цепочка.

Ваксберг: Эй вменяем не голландец, которого вы арестовали, а конкретные вещи. Она здесь подсудимая, а не вся гигантская сеть. Где все эти люди? Я хочу их знать.

Воронков: Какие люди?».

С треском лопнул мыльный пузырь о каком-то гигантском международном наркотическом заго-

воре. Никаких цепочек, никаких реальных раскрытых преступлений.

Создается впечатление, что ФСБ продолжает традицию ВЧК—НКВД—КГБ по выпечке массовых разветвленных заговоров и вредительских организаций на основе в прямом смысле слова выбитых показаний. Из Витухновской выбить ничего не удалось, и в наказание ее целый год держали в тюрьме.

«Ткаченко: Вы сказали, что зашли к ней в комнату, и там чуть ли не целая химическая лаборатория. Воронков: Нет, я этого не говорил».

Ткаченко: Почему на более раннем этапе не было пресечено преступление? Преступление нарастало, и всё больше и больше людей втягивалось? Вплоть до того, что за один день было сделано, я посчитал, на тысячу долларов... Воронков: Я, кстати, не утверждаю, что тысяча долларов — это от наркотиков».

Ткаченко: Сто продаж надо было совершить. Почему же раньше не пресекалось? Почему вы дали развиваться этому злу, чтобы зло распространялось?»

Воронков: Если вы сейчас вот так на меня с этими прослушиваниями, вот, с поличными, вот с их показаниями, вот так грызете вот меня, то вот сразу бы мы взяли ее, так тут вообще бы ни о каком суде не было — это раз.

Ткаченко: Как не было бы суда? Воронков: Алина — это не наша задача. Алина — это у нас этап».

Живой человек всего лишь этап. И все мы этапы большого пути засекреченных агентов ФСБ к заветной цели. Кто стал полковником, кто — генералом, а человек целый год просидел в тюрьме без каких-либо доказательств его вины.

Надо ли теперь говорить еще раз, какую опасность для каждого гражданина таит в себе право на ведение следствия, дарованное ФСБ современным законодательством? Вяжется ли это с нашим вступлением в Совет Европы и с вытекающим отсюда обязательством соблюдать права человека?»

Надо ли теперь говорить еще раз, какую опасность для каждого гражданина таит в себе право на ведение следствия, дарованное ФСБ современным законодательством? Вяжется ли это с нашим вступлением в Совет Европы и с вытекающим отсюда обязательством соблюдать права человека?»

Надо ли теперь говорить еще раз, какую опасность для каждого гражданина таит в себе право на ведение следствия, дарованное ФСБ современным законодательством? Вяжется ли это с нашим вступлением в Совет Европы и с вытекающим отсюда обязательством соблюдать права человека?»

Фото
Алексея ГОДУНОВА.